

УДК 82.0

ОКТЯБРЬ ЛЕОНОВ: МАТЕРИАЛЫ К ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

© Бакуркин Кирилл Сергеевич (2022), независимый исследователь (Россия, г. Братск).

Октябрь Михайлович Леонов (26 октября 1929 – 4 ноября 1979) известен, прежде всего, как основатель архитектурно-этнографического музея «Ангарская деревня», сохранившего памятники деревянного зодчества Приангарья, и как открыватель знаменитых Дубынинских писаниц – наскальных изображений, возраст которых по некоторым оценкам насчитывает около шести тысяч лет. Однако Октябрь Леонов был, помимо прочего, и талантливым писателем-очеркистом, книги которого, не опубликованные при жизни автора по соображениям идеологического порядка, только сейчас стали находить дорогу к читателю (в 2014 г., например, в Братске была издана книга Октября Леонова «Полторы тысячи километров раздумий: путевые заметки»). Настоящая статья создавалась на основе изучения архивных материалов, имеющих отношение к жизни и творчеству Октября Леонова, и многочисленных интервью, взятых автором у людей, не только близко знавших Октября Леонова, но и бывших его соратниками в его музейных, этнографических и археологических начинаниях. Вводятся в научный оборот сведения, касающиеся взглядов Октября Леонова на советскую власть, официальную версию марксизма. Уделено также внимание различным перипетиям, связанным с членством Октября Леонова в КПСС. Некоторые сведения проливают свет на те эпизоды биографии Октября Леонова, которые предшествовали его переезду в Братск. Другие сведения раскрывают детали борьбы Октября Леонова за создание «Ангарской деревни». Но самое большое место в статье уделено взаимоотношениям Октября Леонова с такими крупными советскими писателями, как Олег Куваев и Альберт Мифтахутдинов.

Ключевые слова: Октябрь Леонов, Олег Куваев, Альберт Мифтахутдинов, «Ангарская деревня».

Октябрь Леонов. Часть 1

Известно, что Октябрь Леонов родился в 1924 году в Салтыковке под Москвой (полчаса на электричке от Курского вокзала), в доме, который построил его отец.

– Его отец был героем Гражданской войны, собственно, отсюда имя сына – Октябрь. Участок размером в 21 сотку, в сущности, в пределах Москвы, он получил за свои заслуги. Михаил Леонов был крестьянином по происхождению, а мать Октября Нина была дочерью армянского горожанина, женившегося на дочке польского эмигранта. Отсюда и такая кавказская внешность у Октября. К нему часто подходили армяне, азербайджанцы и цыгане, начинали заговаривать с ним на своём языке и укоряли в том, что он не знает родной речи, – **вспоминает Наталья Луканкина.**¹

На фронт Октябрь Леонов ушел, будучи несовершеннолетним. Сначала попал в московское ополчение, оттуда его направили в Оренбургскую лётную школу, и, отучившись там, он служил механиком в лётном полку до самой победы. По некоторым сведениям, был ещё и комсоргом этого полка.

– Конечно, он был ветераном войны, но никаких книжечек или удостоверений об этом у него не было. Не потому, что он якобы считал свой вклад в победу мизерным, как пишут в некоторых воспоминаниях. Просто он считал унижительными ветеранские льготы, когда в Братске был дефицит продуктов. Мне лично он объяснял свою позицию словами: «Я за Родину воевал, а не за колбасу», – **говорит Наталья Луканкина.**

В 50-х годах Леонов оказался в Магадане.

– Тут надо понять, почему Леонов вообще оказался в ссыльных краях. В 1947 году его из армии отправили в Военно-политическую академию имени В.И. Ленина. В Москве он познакомился с девушкой, которую звали Ниной, как и его мать. Она была врачом. В 1948 году начало набирать обороты «дело врачей», и Нина попала в ссылку. Октябрь бросил политакадемию и поехал за ней в Магадан. Чтобы быть при деле, окончил школу маркшейдеров. Женился на Нине и добился, чтобы её расконвоировали, в сущности – освободили, – **продолжает Наталья Луканкина.**

¹ Воспоминания Натальи Луканкиной цитируются по тексту интервью, взятому у нее автором статьи.

Позже Леонов учился в Хабаровской Высшей партийной школе три года (таким был полный срок обучения), но был исключен из партии перед защитой выпускной работы и диплома об окончании не получил.

Учился он заочно и одновременно работал заведующим отделом пропаганды и агитации Магаданского обкома партии.

В 90-е годы Октября Леонова зачем-то пытались представить тайным антисоветчиком, тогда это было модным, но вряд ли соответствовало действительности.

– Он дважды был исключен из партии, но восстановился в ней, правда, всего один раз. Первый раз его исключили из-за идеологических разногласий. Октябрь писал дипломную работу в Высшей партийной школе и заметил, что в учение Маркса и Ленина в разные годы вносились поправки. То есть партийные издания, например, 24-го года и 36-го года не соответствуют друг другу. Его обвинили в ревизионизме и исключили из КПСС, но он добился отмены этого решения. В Братск он приехал уже беспартийным. Второй раз его исключили, как тогда говорили, «за аморалку»: его вторая бывшая жена пожаловалась на него партийному руководству. Конечно, Леонов был, как он сам про себя говорил, ортодоксальным марксистом, – поясняет Наталья Луканкина.

Некоторое время Леонов работал на Чукотке и на Сахалине журналистом, где написал публицистическую книгу «1500 километров раздумий», не допущенную, правда, к изданию по причинам идеологического характера, и, вероятно, это было первой его попыткой сделать что-либо значимое в литературе.²

В фондах Объединённого музея истории освоения Ангары хранится восемь писем писателя Олега Куваева к Октябрю Леонову, и, судя по одному из них, Леонов подумывал о карьере писателя, но никак не мог найти нужную точку приложения сил. Впрочем, кажется, они оба относились к этому с иронией. Во всяком случае, Олег Куваев пишет ему из Темрюка: «Как там твоё мореходство и, хе-

² Отдельным изданием эта книга О. Леонова вышла только через 35 лет после его смерти [Леонов 2014].

хе, как оно с суперсоциалистическим романом, план которого ты говорил мне тогда на кухне?»

В 1967 году Леонов приезжает в Братск.

– Вообще, Октябрь приехал как тележурналист. Тоня Гайденко, с которой он сюда сбежал (это и было той самой «аморалкой», за которую его исключили из партии, – прим. авт.), была диктором, а он – ведущим и редактором на телевидении. Октябрь решил с телевидением расстаться, – вспоминает Наталья Луканкина. – Вообще, была байка, что уволили его с телевидения за дурацкую шутку. Был там директор по фамилии, которая заканчивалась на -оряк. И кто-то из журналисток однажды спросил Леонова, что такое «коровяк». Ну, Леонов и сказал, что это коровье г..но, и добавил, а вот чьё г..но -оряк – неизвестно. Ну, и всё...

В 1968-м Леонов занимает пост первого ответственного секретаря Братского отделения ВООПИиК. Он оставался на этом посту 10 лет, вплоть до своей смерти.

Стоит заметить, что, будучи ответсекретарём Братского отделения ВООПИиК (в сущности, сам себе начальник и сам себе подчинённый) на окладе в 120 рублей, можно было бедно, но сносно прожить всю жизнь, не утруждая себя даже шестичасовым рабочим днём.

Какой музей? Зачем музей? Пусть бы по проекту Юрия Гумбурга перевезли острог, поставили бы пару изб и выписали бы премию ответсекретарю ВООПИиК... Для многих подобный ход мог стать частью жизненной стратегии. Но Леонов просто не мог жить спокойно.

К тому времени он, как вспоминает Борис Чуласов, архитектор и сподвижник Октября Михайловича, встретился с Людмилой Оранской, которая проектировала музей «Тальцы».

– Леонов не достиг каких-то успехов как тележурналист. Для него работа на телевидении была тупиком. Он честно отдавал себе в этом отчет. Но я знаю, что он очень хотел сделать что-то нужное и важное, хотел оставить после себя след на земле. Людмила Оранская ему объяснила, насколько интересна «средняя Ангара» с точки зрения народного деревянного зодчества. Тут, вероятно,

*Леонов и загорелся идеей создания такого музея в Братске. Потом Оранская познакомила Леонова с Александром Ополовниковым, – рассказывает архитектор Борис Чуласов.*³

Создание музейно-мемориального комплекса стало для Леонова главной задачей жизни, задачей, которую он сам себе поставил, и сначала она показалось ему если не легко выполнимой, то выполнимой в течение нескольких лет.

Октябрь Леонов. Часть 2

Октябрь Леонов даже друзьям, кроме очень близких, ничего не рассказывал о личной жизни. Каких-то дневниковых откровений он тоже не оставил, а они, говоря начистоту, важнее воспоминаний, потому что создаются обычно в контексте своего времени и обстоятельств.

«Вычислить» миропонимание и мотивы Октября Леонова можно попробовать, если ориентироваться на его дружбу с писателем Олегом Куваевым, которая как раз и имеет письменный след. Аналогичным способом астрономы вычисляют характеристики невидимых космических объектов по гравитационным возмущениям и спектральному анализу видимых.

Для части читателей надо пояснить, что о писателе Олеге Куваеве – советском Джеке Лондоне – написана интересная книга, которая называется «Олег Куваев: повесть о нерегламентированном человеке» [Авченко, Коровашко 2019], и её стоит прочитать, в том числе для понимания особой атмосферы того времени.

В фонде Объединённого музея истории освоения Ангары хранятся письма Куваева к Леонову, из которых понятно, что их отношения были не просто знакомством, а имели в основании множество совместно пережитых событий. В одном из писем Куваев пишет:

«Новости: Позавчера умер Витя Болдырев. Похоронили мы его. Первый из наших умер. Ты, пожалуйста, не умирай. Очень горько будет тебя потерять. Я ведь, Октябрюша, всё помню: встречу в

³ Воспоминания Бориса Чуласова цитируются по тексту интервью, взятому у него автором статьи.

долине Ичугеема, и Салтыковку, и мать твою и сестру – всё помню памятью совести и сердца. Понимаешь, такая ведь странная штука – мы ведь с тобой друзья. Проверено годами. Посему – живи!»

О письмах Леонова к Куваеву ничего неизвестно. Говорят, что архив писателя полностью пока ещё (в 2022 году) не приведён в порядок, но об их содержании можно догадаться по таким строкам письма Куваева:

«Ты мне напоминаешь известного поэта Вадика Кожемякина. Магаданский прах мы отряхнули с ног с ним вместе, а потом в течение двух лет я получал от него письма стандартного содержания: «Добрый день, Олег. Живу сейчас в Мурманске. Работаю, сам понимаешь, на телевидении. Живу, как ты догадываешься, не один. Зовут её Зина. Она хорошая женщина» Потом наступало молчание на полгода и следовало письмо «Добрый день, Олег. Живу я сейчас в Куйбышеве /Кирове, Пензе, Костроме Ставрополе/. Работаю на студии телевидения. Живу я, сам понимаешь, не один. Зовут её /Валя, Клара, Лида, Люся/. Она хорошая женщина».⁴

Важно, что Куваев на 10 лет младше Октября Леонова. Впрочем, Октябрь Леонов переживёт друга на 4 года. Леонов – фронтовик, а Куваев в 1942 году только пошел в первый класс. Но в Леонове Куваев видит совершенно равного себе человека и не ошибается в этом. Впрочем, в то время понятие «фронтовик» было обыденным, не несло в себе особого героического смысла и не предполагало наличие какого-то уникального жизненного опыта: свой опыт войны, разный, но одинаково страшный, был тогда у всех. Люди в большинстве своём пока ещё не начали переосмыслять пережитое в виде воспоминаний, а очень многие о войне старались вообще забыть.

Особый стиль обращения: «*Старче!*», «*Здорово, абориген!*», «*Октябрюша*», «*Достопочтенный сир*», «*Ты, злокачественная опухоль!*» соответствует стилю письма. Например, в письме с обра-

⁴ Здесь и далее в цитатах писем Куваева орфография и пунктуация сохранены.

щением «Достопочтенный сир» Куваев как бы надевает на себя шуточную маску средневекового путешественника и писателя.

Первое письмо Куваева, наверное, то, где есть строки: *«Возможно осенью, если ты застрянешь в Братске, прилечу к тебе»*. Вероятно, это 1967-й год, когда Октябрь Леонов приехал в Братск, или 1968-й.

«Был у меня МИФТ ВЕЛИКИЙ», – пишет Куваев в этом же письме в следующем абзаце: *«Маленько выпили в первый его заезд. Во второй его заезд перед отлётом в Магадан выпили совсем малость. Поговорили за жисть. За твоё здоровье выпили стопарик /как за личность/ и ещё раз как за члена клуба Костяной Пластинки»*.

Надо полагать, что «выпили совсем малость» – сарказм, Октябрь Леонов говорил, что лишь однажды в жизни был в трёхдневном запое, и случилось это при встрече с Куваевым. МИФТ ВЕЛИКИЙ – это Альберт Мифтахутдинов (1937–1991) – очень значимый для русского Севера писатель и публицист, чуть менее известный, чем Олег Куваев, но не менее интересный. Октябрь Леонов упоминается в книге Мифтахутдинова «Очень маленький земной шар» (1972) рядом с Олегом Куваевым.

Клуб (Орден) Костяной Пластинки – это не общество любителей рок-н-ролла и пластинок на рентгеновских снимках и не особое объединение археологов. Вот как пишет об этом ордене Альберт Мифтахутдинов: «...уэленские мастерицы-гравировщицы по кости выточили пластинки из моржового клыка. Они вручаются только рыцарям Ордена Костяной Пластинки. Чтобы быть членом этого Ордена, надо за одну экспедицию пройти на собаках тысячу километров или пятьсот пешком. Надо, чтобы экспедиция была в тайге или в тундре, в местах высшей категории трудности» [Мифтахутдинов 1972, 104].

Альберт Мифтахутдинов потом навестит Октября Леонова буквально за несколько дней до его смерти в Салтыковке.

Письма Куваева, к сожалению, без указания дат, напечатаны на пишущей машинке. В этом можно было бы усмотреть некоторое пижонство, однако, как пояснил в переписке автору литературовед Алексей Коровашко, для Олега Куваева это просто особое отноше-

ние к передаче слова: *«Кто-то полагает, что, водя ручкой по бумаге, он устанавливает правильную «коммуникацию» между воображением (сознанием) и его «следами» на листе бумаги, а кто-то полагает, что нажатие на клавишу «убыстряет» перетекание мысли на бумагу. Куваев был именно писателем печатающим».*

В другом письме Куваева речь, вероятно, идёт о статье, посвященной планам строительства «Ангарской деревни»:

«Пишу на бегу в редакцию, ибо дело срочное «Молодой коммунист» /Юра Попков/ пошел к тебе навстречу сделал максимум обработал твою статью нижеследующим образом и поставил в 7-ой номер своей властью. Гранки будут дней через восемь. Прочти это и проверь факты, даты, названия, сроки /то что подчеркнуто/. Если что-то не так – дай телеграмму. <...>

2. *«Литературная газета отказалась наотрез. То же старался там Попков. Дело в том, что «Литературка» взяла «Сибирь всегда принадлежала Русским и никаких острогов и завоеваний Сибири не было/ это из-за китайцев и ничего тут не сделать».*

3. *Взялся за это В.С. Зав отделом Лидия Александровна Чешкова сама хочет приехать к тебе и дать большой материал. Лиду я заверил, что ты человек очень стоящий и, кроме того, мой друг. Так что веди себя прилично».*

Необходимо пояснить, что к письму, скорее всего, была приложена копия обработанного Юрием Попковым материала в журнал «Молодой коммунист», но этот материал не сохранился. «Литературная газета» перестраховалась по той причине, что как раз в это время в Китае шла «Культурная революция» (1966-1976 гг.) и в числе множества претензий к СССР китайцы пытались доказать, что Сибирь издревле была частью Китая, а русские завоевали эти земли.

Некто В.С. – это журнал «Вокруг света». Лидия Чешкова на самом деле приехала в Братск в 1977 году, и в августовском номере журнала вышла замечательная статья «Над рекой хор деревень» [Чешкова 1977] – она широко доступна в интернете и по сей день.

Вероятно, в 1974 году Леонов просил Олега Куваева помочь продвижению «Ангарской деревни» поддержкой всесоюзной прессы, и Куваев сделал всё, что возможно.

И это, наверное, последнее письмо Куваева, которое можно датировать 1975 годом, – в этом же году он ушел из жизни.

«Нерегламентированный человек» – такое определение Олега Куваева полностью соответствует и личности Октябрия Леонова, но я бы назвал Леонова современным термином «неигровой персонаж» – это такой персонаж игры (слово «игра» надо понимать в самом широком смысле), который находится вне суеты ботов и живых, реальных игроков, «он живёт по законам другим» и, в сущности, выполняет только волю «создателя игры», он неистребим волей случайности (такие люди иногда спасаются в жутких катастрофах, когда никого не остаётся в живых) и существует ровно до границ, установленных тем же «создателем».

Истории Куваева и Леонова – это истории одержимых людей. Одержимость, в сущности, – это и есть признак «нерегламентированного человека» и «неигрового персонажа»: они способны отбросить быт и удовольствия и заниматься (по воле того же «создателя», если угодно) делом, которое в значительной части существует пока только в их воображении и, с большой долей вероятности, не сулит им ни денег, ни признания. Без одержимых людей на планете не было бы ничего, что могло бы выдать присутствие организованной цивилизации.

Источники

Леонов 2014 – Леонов О. *Полторы тысячи километров раздумий: путевые заметки*. Братск, 2014.

Мифтахутдинов 1972 – Мифтахутдинов А. *Очень маленький земной шар*. М., 1972.

Чешкова 1977 – Чешкова Л. *Над рекой хор деревень // Вокруг света*. 1977. № 8. С. 3–9.

Литература

Авченко, Коровашко 2019 – Авченко В.О., Коровашко А.В. *Олег Куваев: повесть о нерегламентированном человеке*. М., 2019.

ОКТЯБР' LEONOV: MATERIALS FOR A CREATIVE BIOGRAPHY

© **Bakurkin Kirill Sergeevich** (2022), independent researcher (Bratsk, Russian Federation).

Oktyabr' Mikhailovich Leonov (October 26, 1929 – November 4, 1979) is known primarily as the founder of the architectural and ethnographic mu-

seum *Angarsk Village* which preserved the monuments of wooden architecture of the Angara region. He is also the discoverer of the famous sight – *Dubyninsky pisanitsy* – rock carvings the age of which according to some estimates, is about six thousand years old. However Leonov was also a talented essayist writer whose books were not published during the author's lifetime for reasons of ideological order only now began to find their way to the reader (in 2014 for example Leonov's book *Fifteen hundred kilometers of Thoughts: Travel Notes* was published in Bratsk). This article was created on the basis of studying archival materials related to the life and work of Oktyabr' Leonov and numerous interviews taken by the author from people who not only knew Leonov intimately but also were his associates in his museum ethnographic and archaeological endeavors. The information concerning the views of Leonov on the Soviet government the official version of Marxism is introduced into scientific circulation. Attention is also paid to various twists and turns associated with the membership of Leonov in the CPSU. Some information sheds light on those episodes of the biography of Leonov that preceded his move to Bratsk. Other information reveals details of Leonova's struggle to create the *Angarsk Village*. But the biggest place in the article is devoted to the relationship of October Leonov with such major Soviet writers as Oleg Kuvaev and Albert Miftakhutdinov.

Keywords: October Leonov, Oleg Kuvaev, Albert Miftakhutdinov, *Angarsk Village*.

References

Авченко, Коровашко 2019 – Avchenko V.O., Korovashko A.V. Oleg Kuvaev: povest' o nereglamentirovannom cheloveke [Oleg Kuvaev: The Story of an unregulated man]. Moscow, 2019. (In Russian).

Поступила в редакцию 19.01.2022